

УДК 820/89 (100-87)

ФИЛОСОФИЯ И ДИДАКТИКА В РАМКАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ СИЛЛАБИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Усеинов Т.Б.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: useinovtb@mail.ru

“Философия и дидактика в рамках средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии”. В предложенной статье рассматриваются стихотворные формы, которые несут филологско-дидактичную мысль, оказываются сущностью и особенностями.

Ключевые слова: средневековая крымскотатарская силлабическая поэзия, философия, дидактика.

Постановка проблемы. Средневековая крымскотатарская письменная силлабическая поэзия философско-дидактической направленности, по сей день, остаётся практически неизученной, что не даёт возможности всестороннего изучения поэтического наследия данного периода.

Цель работы – изучение силлабических поэтических форм, несущих философско-дидактический смысл.

Вступление. Традиции написания художественно оформленной философско-поучительной литературы известны на Востоке издревле. Существует перечень народных силлабических стихотворных форм, допускающих использование, в их рамках, данной смысловой нагрузки (*агъыт, дастан, кошма, семай и др.*).

Если в классическом *диване*, в некоторых стихотворных формах, раскрытие философско-дидактической мысли играет жанрообразующую функцию (*газель, месневи и др.*), то в крымскотатарской письменной силлабической поэзии таковых не выявлено. Философия и дидактика, как правило, применяются ашыками, в стихах, фрагментарно (не более двух *бентов* подряд) и не занимают всего объёма произведения (редкие исключения не берутся во внимание) [3,352-353; 3,344-345 и др.].

Своего расцвета философия и дидактика достигают в период Средневековья в мусульманской классической дворцовой поэзии (и соответственно, в *ашыкской поэзии*, ориентирующейся на *диван*). Эти два понятия очень близки и переплетаются.

В восточной поэзии (крымскотатарской, в том числе) дидактика несёт черты “религиозного, нравственного и философского характера” [1,248]. В роли главного героя выступает образ *поучающего* или *размышляющего*.

Отметим несколько основных семантических направлений философско-дидактической поэзии ашыков:

1. *Размышления о бренности земной (человеческой) жизни;*
2. *Коварность мира (Судьбы);*
3. *Размышления о человеке (его роли и предназначении).*

1. Размышления о бренности земной (человеческой) жизни. Главной тематикой, разворачивающейся в философско-дидактических произведениях, является философские размышления о бренности земной жизни и поучения, согласно этой позиции.

“Главный герой – наставляющий”. Дидактика в творчестве народных поэтов (ашыков) – это разнообразное направление, в котором доминирующее положение занимает *напутствие (поучение)* главного героя о бренности человеческой жизни. Данная тематика скрупулёзно освещена *диваном*. Вспомним *месневи* средневекового крымского правителя Газы Герай хана II (1554-1607) “Долап” (“Водяное колесо”), где колесо напоминает главному герою (хану) о коварности и скоротечности жизни.

Крымскотатарские ашыки “подхватывают” эту тему и успешно её используют. Так, автор поучает *главного героя*, напоминая ему о краткости жизни, при этом используя религиозные понятия и термины: “Сырат” (*религ.* труднопроходимый и находящийся над Адом мост в Рай), “Мизан” (*религ.* Весы) и “Суаль” (*религ.* Вопрос):

...4. ...Mahşer günü üç nesneden korkum var

Biri Sırat biri Mizan bir Sual.

Подстрочный перевод:

...4. ...Есть страх у меня перед тремя вещами в день Страшного Суда,
Один – мост в Рай, один Весы, один Вопрос [3,146].

“Главная героиня (возлюбленная) – наставляющий влюблённый”. Основной объём поучающих строк (о бренности мира) выпадает на данную *образную систему*. Как правило, *влюблённый* с этим призывом обращается к своему *объекту любви*.

В ниже следующем случае страдающий в любви *молодой человек* напоминает своей *возлюбленной* о скоротечности и бренности жизни (молодости). Время “цветения розы (бутона)”, т. е. человеческой молодости (расцвета) очень короток и поэтому *наставляющий влюблённый* призывает красавицу “здро” взглянуть на жизнь:

...2. ...Nice senin gibi ğonce fidanın

Açılan gülleri sola-gelmiştir...

Подстрочный перевод:

...2. ...Сколько [было – Т. У.], подобных тебе, ростков с бутоном,
Раскрывшиеся розы [у которых – Т. У.] увяли... [2,37].

Это же наставление-призыв звучит и в другом стихотворении, где *главный герой* обращается к *красавице* со словами о прекращении мучений и страданий, источником которых она является:

...4. Der Gevheri dud-ı siyahım yeter

Bülbülüm gülşende fiğanım yeter...

Подстрочный перевод:

...4. Скажет Джевхери: “Чёрных стенаний (ахов) моих достаточно,
Мой соловей в розарии, плачей (стонов) моих достаточно...” [3,146].

Наставляющий влюблённый, в разговоре с *возлюбленной*, сравнивает проживание человека на Земле с кратковременным ночлегом. На утро же всё бренное существование, традиционно, заканчивается:

...3. Bu dünya fanidir kopup göçeriz...

Подстрочный перевод:

...3. Этот мир бретен—остановимся на ночлег и “переедем”... [3, с.148].

Жизнь человеческая быстротечна. Так сложилось, что *проживающий*, в нём, не может находиться без *возлюбленной*. *Наставляющий влюблённый*, называя “госпожой”, призывает *главную героиню* к взаимности:

1. ...Bu fena dünyada yarsız olunmaz

Gel bir dem sürelim heman efendim...

Подстрочный перевод:

1. ...Невозможно в этом бречном мире без возлюбленной,

Приди, моя госпожа, одно мгновение проведем сейчас... [2,26].

Развивая тему объединения с объектом любовной страсти, поэт-ашык использует метафорические образы, которые придают сюжету дополнительную привлекательность.

Не оставляя на день Воскресения, звучит наставление броситься в объятия друг другу, чтобы исчез “туман”, “накрывающий” отношения между двумя молодыми:

...4. ...Sarılalım kıyamete kalmasin

Kalksin üstümüzden duman efendim.

Подстрочный перевод:

...4. ... Давай бросимся в объятия, не будем откладывать на день Воскресения,

Пусть исчезнет, моя госпожа, над нами туман [2,26].

Не найдя понимания со стороны *девушки*, *молодой человек* безнадежно, “с головой”, погружается в страдания. Как ни странно, он злорадствует. Ему не остаётся ничего, как “утешать” себя мыслью о том, что и *возлюбленная*, рано или поздно, потеряет привлекательность и будет вычеркнута из “тетради красоты”, т. к. всё в этом мире бречно:

...5. ...Bu güzellik defterinden

Sen de bir gün silünürsün.

Подстрочный перевод:

...5. ...Из этой книги (тетради) красоты,

И ты, в один из дней, будешь вычеркнута... [3,518].

Каноничным является правило упоминания в *силлабической ашыкской поэзии*, для пояснения и подтверждения своей мысли, имён исторических и легендарных личностей. Главный герой перечисляет имена общепризнанных и авторитетных людей Востока, не забывая упомянуть их уход из этого мира:

...3. Arda kaldı dünya Süleymanlar’dan

Rüstem ve Sührab kahramanlardan...

Подстрочный перевод:

...3. Позади остался мир от Сулейманов,

От героев Рустема и Сюхраба... [3,75].

“*Слушатель – размышляющий влюблённый*”. Размышляя о несправедливом отношении красавицы к нему, *влюблённый* думает о бречности жизни и обращается с речью к *слушателю* (окружающим):

...3. Bu dünya ezelden fanidir fani

Kara yerler alti derya ummanı...

Подстрочный перевод:

...3. Этот мир с незапамятных времён бренен, бренен,
Суша (земля) и шесть морей-океанов... [3,432].

2. Коварность мира (Судьбы). “*Слушатель – поучающий*”. Ашыки часто представляют образ Судьбы коварным, непредсказуемым, порой несправедливым и т. п. Мир “разношёрстен”, в нём есть место несправедливости. Всему виной же, по мнению ашыков, Судьба.

“*Всевышний – размышляющий*”. Несправедливость касается и самого автора. Он, в роли *размышляющего* и вопрошающего, обращается к Всевышнему вмешаться в сложившуюся ситуацию, прося отпустить его грехи и проявить *милость и милосердие*:

1. ...Kuluñ deđil miyim ya Rabbi ne var...

Подстрочный перевод:

1. ...Разве я не раб Твой – Боже мой!.. [3,145].

“*Мир – размышляющий*”. Хотя и редко, ашыки используют эту *образную систему*. Поэтическая форма построена на основе монолога *размышляющего*:

1. Yürü hey pîrezen bi-vefa dñnya
Sana dil verenler hep payımaldir...

Подстрочный перевод:

1. Двигайся! Эй, старуха, непостоянный мир,
Те, кто отдают тебе сердце (душу) – все уничтожены... [3,352].

3. Размышления о человеке (его роли и предназначении). Вопрос о смысле жизни человека, о причине его существования на брэнной Земле занимал умы с незапамятных времён и до сегодняшнего дня.

Ашыки, также, вступают в полемику по данной теме. Что парадоксально – средневековому человеку было легче, проще найти ответ на данный вопрос, который таится в вере. Чем дальше человек от веры, тем запутаннее и сложнее выглядит для него эта проблема.

“*Слушатель – размышляющий*”. Для любого набожного мусульманина смысл (цель) человеческой жизни формулируется достаточно лаконично и, в то же время, ёмко – “в том, чтобы его душа попала в Рай”.

Само по себе, тело не представляет никакой ценности, ровно до того момента, пока в него Всевышним не будет помещена Душа, которая превращает, в свою очередь, человека в “Соловья”:

1. Adem ođlu řu dñnyaya gelende
Kuru ađaçta bir gül bitmiş gibidir
Huda'm can virüp dil söyleyende
Viran bađda bülbül ötmüş gibidir...

Подстрочный перевод:

1. Сын Адама при “прибытии” в этот мир,
Подобен проросшей розе на высохшей древесине.
Когда Бог мой дал душу и сердце,
Это подобно пению Соловья в разрушенном саду... [3,344].

“*Влюблённый – поучающий*”. *Почающий советует главному герою* быть набожным, так как всё в этом мире связано с велением Бога.

Истинный *влюблённый* не должен стесняться раскрыть собственные чувства, для него должна существовать лишь *она* – объект вожделения:

...4. Gevheri der aşık olan itmez ar
Tut yüzünü Hakk'a Huda'ya yalvar...

Подстрочный перевод:

...4. Скажет Джевхери: “Тот, кто является ашыком не стыдится”,
Повернись лицом к Всевышнему, проси Бога... [3,146].

“*Ашык – поучающий*”. *Наставляющий* полемизирует о предназначении настоящего *ашыка* и что важнее для него – панегирик или же лирика?

Влюблённый должен сочинять и исполнять лирико-романтические народные стихотворения (где бы он не находился), панегирик же – это занятие временное и периодическое.

Поэт-сказитель должен переживать и “вынашивать” каждое своё слово, каждую строку. Сложность ситуации заключается в том, что не каждый слушатель способен понять истинный смысл, заложенный в строках. Задача же ашыка сложна – донести своё слово до масс:

...24. Söyle kelamın kalbinde pişir
Her can kıymet bilmez yerine düşür...

Подстрочный перевод:

...24. Молви речь – обжигай в сердце,
Не каждая душа будет знать истинной цены–доведа до места... [2, с.54].

Выводы и перспектива. Прделанное исследование позволило сделать следующие выводы:

– существует перечень силлабических поэтических форм, в рамках которых допускается использование философско-дидактической семантической нагрузки (*агъыт, дастан, кошма, семаи и др.*);

– *философия и дидактика*, как правило, применяются ашыками, в стихах, фрагментарно (не более двух *бентов* подряд) и не занимают всего объёма произведения (редкие исключения не берутся во внимание);

– *философия и дидактика* – понятия достаточно близкие и переплетающиеся;

– в восточной поэзии (крымскотатарской, в том числе), подобно большинству мировых литератур, *дидактика* несёт черты религиозного, нравственного и философского характера;

– *философско-дидактические* стихотворные формы являются неотъемлемой составной частью *средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии*.

Литература

1. Дидактическая литература // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1972. – Т.8. – С.248.
2. Aşık Ömer / [Haz.Elçin Ş.]. – Ankara: Kültür bakanlığı, 1999. – 123 s. – ISBN 975-17-0073-6.
3. Cevheri divanı. İnceleme – Metin – Dizin – Bibliyografiya / [Haz.Elçin Ş.]. – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 1998. – 763 s. – ISBN 975-16-1045-1.

Усеїнов Т.Б. Філософія й дидактика в рамках середньовічної кримськотатарської письмової силабічної поезії / Т.Б. Усеїнов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 119-124.

У запропонованій статті розглядаються віршовані форми, що несуть філолофсько-дидактичну думку, виявляються сутність і особливості.

Ключові слова: середньовічна кримськотатарська силабічна поезія, філософія, дидактика.

Useinov T.B. Philosophy and didactics within the framework of medieval crimean tatars written syllabic poetry / T.B.Useinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 119-124.

In offered article the poetic forms bearing a philosophy and didactic idea are considered, come to light essence and features.

Key words: medieval crimean tatars syllabic poetry, philosophy, didactics.

Поступила в редакцію 01.09.2011 з.